

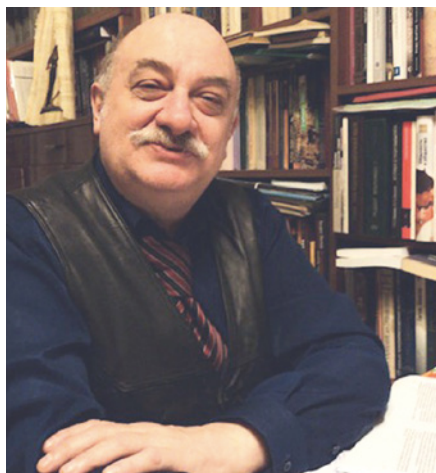
В. Л. МАХЛИН

«... О НАПИСАНИИ СВОЕЙ ФИЛОСОФСКОЙ АВТОБИОГРАФИИ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ И РЕЧИ»

Ответы на вопросы автобиографического интервью¹

УДК 101.9

DOI: 10.32691/2410-0935-2021-16-241-245

Доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИНИОН, член-корреспондент Академии гуманитарных исследований при Институте философии РАН, историк, переводчик, ответственный редактор международного издания «Бахтинский сборник» (1990-2004).

Реперы

1. Можете ли Вы назвать момент в жизни, который стал тем ключевым эпизодом в Вашей биографии как философа? С какого момента Вы стали себя ощущать философом? По каким признакам Вы можете судить о таком событии?

2. Вы уже пишете свою философскую автобиографию? Или считаете это делом лишним? Или Вы согласны с Хайдеггером, что жизнь философа – это тире между датами рождения и смерти? А главное в его жизни – его сочинения?

3. Вы разделяете личную жизнь философа и его жизнь в его сочинениях? Или это та личностная амальгама, в которой его мысль и жизнь не делимы? Или все же главное в его жизни – его мысль, воплощенная в его сочинениях? Тогда его биография – это прежде всего его интеллектуальная история, история его сочинений?

4. Отличается ли жизнь философа от жизни любого другого человека? Или нет? И в частной жизни он такой же обыватель, как и все остальные? А иногда он просто сидит и пишет свои сочинения. А другой ведет уроки в школе. А третий работает врачом. А четвертый ...

5. Что Вы можете сказать о существующих и написанных ранее философских автобиографиях? Они для Вас – десерт к столу философа или полноцен-

¹ Ответы на вопросы были присланы в письменном виде С. А. Смирнову. Сентябрь 2021 года. Интервью проведено в рамках грантового проекта «Философская автобиография как метод антропологической навигации» при поддержке РФФИ (проект № 19-011-00124).

ные самостоятельные сочинения? Или же к ним нельзя относиться серьезно? Какого автора какой философской автобиографии Вы бы выделили прежде всего? Кто оказал наиболее сильное впечатление? Кто из них больше мемуарист, а кто действительно писал философскую автобиографию?

6. Представим себе, что Вы пишете свою автобиографию. Можете показать ее примерно хотя бы в основных событиях? С чего все начиналось? Ваши духовные учителя? Ваши основные собеседники? Основные оппоненты? Каковы основные эпизоды Вашей философской биографии Вы бы выделили?

7. Вы можете допустить такую мысль, что на самом деле философская автобиография начинается, пардон, после ухода автора? То есть, прежде всего биографична его мысль. И судьба его идей, его сочинений. И его тексты начинают писать его биографию после смерти физического носителя. В этом плане гораздо богаче, например, биография Бахтина после его смерти, а точнее она началась с 60-70 годов. Или посмертная биография Витгенштейна... Когда физическая жизнь автора уже заканчивалась и начиналась новая А та, первая жизнь, была трагичной, полузабытой, мало известной...

Ответы

1. Если первое дело философии – это «критика языка», то целесообразно для начала уточнить основное слово-понятие возможного разговора.

Автобиография вообще и, в частности, автобиография философская – это публичный отчет автора о своем жизненном или творческом пути. В отличие от автобиографии, которую приходится писать, например, при устройстве на работу, автобиография «известного» или «творческого» человека предполагает сугубо публичный, ответственный *адресат*. Философская автобиография в этом отношении – не исключение: автор смотрит на себя и свой пройденный путь глазами *других* – возможной заинтересованной аудитории (научной корпорации или околонучной публики).

Сам я осознал себя «философом», можно сказать, дважды: первый раз – в тот момент (1989 год), когда в СССР на волне гласности я получил «место» на кафедре философии столичного вуза, только что переставшей быть марксистско-ленинской и ставшей просто кафедрой философии. До того я почти весь «застой» прослужил преподавателем английского языка и англо-американской литературы в средней («английской») школе, с ощущением, что я как-то не на своем месте. А второй раз я осознал себя «философом» четверть века спустя, когда это самое институциональное место, где я чувствовал себя «на своем месте», как-то вдруг начало таять и вместе с тем окостеневать – как и моя философская кафедра в целом. В последующие годы процесс разрушения традиционной модели университетского образования пошел полным ходом и стал повсеместным, но в нашем вузе, где нет философского факультета, изменения носили все более острый характер, обнажив свои исторические основания: оказалось, что философия не имеет самостоятельного значения («не нужна»), если она не служит «духовному» просвещению и спасению *всех* учащихся. Вот тогда я вторично осознал себя «философом», притом российским, но уже не по месту работы, а скорее по не вполне уместному образу жизни и мысли, чуждому большинству нормальных людей и лишенному общественного авторитета. Так на собственном опыте, не сходя со своего, казалось,

надежно обжитого профессорского места, я отчасти понял мысль М. М. Бахтина (которая раньше казалась мне темной): «Нужно перестать быть только самим собою, чтобы войти в историю».

2. Из сказанного ясно, что о написании своей философской автобиографии не может быть и речи. Анахронично и нелепо в XXI веке напяливать на себя, по выражению О. Мандельштама, «не по чину барственную шубу» так называемой культуры, тем более – философской традиции. Время философии в привычном для нас смысле этого слова, похоже, закончилось вместе с концом Нового времени в прошлом столетии. Те, кто сегодня занимается научно-философскими проблемами, – это уже не столько «философы», сколько «исследователи», в лучшем случае – исследователи *истории* философии. Жанр философской автобиографии предполагает: (1) авторитетное научное сообщество коллег и (2) высокую оценку деятельности автора автобиографии со стороны научного сообщества, как бы глазами которого автор смотрит и оценивает свой творческий путь. В сегодняшних условиях обе эти социокультурные предпосылки философской автобиографии, в общем, «не работают» ни на официальном, ни на неофициальном уровне, поскольку прежние «идеологические» различия между тем и другим, похоже, утратили общепонятную значимость как в общественном, так и в научном сознании. Так называемое научное сообщество (*scientific community*) в условиях глобализации является «сообществом» еще меньше, чем даже в советские времена. Так что оглядка и ссылка на Гегеля или на Хайдеггера, по-моему, тоже анахронизм: настоящие исследователи должны ясно сознавать «духовную ситуацию времени, в которой они «мыслят» и в которой, как выразился один старый современный литератор, «никто никого не читает».

3. Отсюда, в свою очередь, следует, что различие между «личной жизнью философа» и его «сочинениями» тоже утратило тот смысл, который оно могло иметь (или не иметь) в эпоху так называемого *модерна* (т. е. за минувшие два столетия). Жанр философской автобиографии, мне кажется, устарел постольку, поскольку *границы* между экзистенциальной, институциональной и интеллектуальной сторонами «жизни и творчества» мыслителя в значительной степени размыты в последние десятилетия. Тезис М. Фуко о «конце человека» нужно понять не риторически и не только как полемическое преувеличение или извращение, но как несколько опоздавшую констатацию о конце «эры идеализма».

4. Когда «жизнь философа» сопоставляют или противопоставляют «жизни любого другого человека», то все такого рода различия чаще бьют мимо цели, поскольку разные профессии в таких случаях рассматриваются и оцениваются одинаково, а именно – *извне*; тогда как «внутренний» аспект деятельности (в нашем случае – философской) не всегда прозрачен даже для авторской саморефлексии. Мыслитель, правда, может иногда и при желании описать свой *опыт мысли*; в этом – продуктивность и интерес философской автобиографии, буде такая имеется, возможно, еще и сегодня.

Хайдеггер, в этом отношении, и вправду интересный и поучительный пример. Предлагая видеть в Аристотеле как бы чистого философа (как бы без биографии), Хайдеггер в характерном для него полемическом «человекобор-

честве» желает освободиться от публичных оценок, между прочим, своей биографии. Но Хайдеггер, этот консервативный революционер в современной философии, – еще и более глубокий симптом. Он один из первых, кто обозначает своим мышлением начало *современной* ситуации распада культуры и, соответственно, конца автобиографии как жанра – в смысле коммуникативного разрыва между философом и обществом. Достаточно напомнить радикальный тезис из «Бытия и времени»: *Das Licht der Öffentlichkeit verdunkelt alles.* («Свет публичности все погружает во тьму»). Если это так, то философская автобиография почти лишается социокультурных условий ее возможности, о которых говорилось выше.

5. Из авторов памятных философских автобиографий я бы назвал (помимо Декарта) имена трех мыслителей конца Нового времени в прошлом столетии: это – К. Ясперс, Н. А. Бердяев и Г.-Г. Гадамер. В их философских автобиографиях, как они ни различны, масштаб личности автора соответствует масштабам исторических событий XX века, и одно немыслимо без другого. «Философская автобиография» Ясперса (1953) – образец старомодно-классического отчета о пройденном пути знаменитого мыслителя в контексте его переломного времени. Совсем по-другому, но та же «модерная» корреляция масштабов «внутреннего» и «внешнего» делает захватывающим при первом чтении «Самопознание» Бердяева (1948). Для меня, однако, ближе и «питательней» *Selbstdarstellung* и другие многочисленные автобиографические фрагменты воспоминаний Гадамера, начиная с 1970-х годов и до конца столетия. У этого ученика Хайдеггера и одного из последних великих философов конца Нового времени философски личное не столько извне, сколько изнутри вплетено в большой контекст большой философии XX века. Оттого и пожизненное колебание между Кьеркегором и Гегелем, как известно, решилось у него в пользу все-таки Гегеля и это, возможно, «постмодерный» признак философии в смысле критики «модерна» и Нового времени вообще: *cogito* – рациональное и рефлексивное сознание осознало себя не как автономное, а как причастное чему-то большему, чем оно само. Поэтому, вероятно, философская автобиография, как жанр, ныне утратила прежний блеск и значение.

6. Это не значит, конечно, что философская автобиография должна вообще исчезнуть: меняется, похоже, прежний запрос общества на этот жанр, но потребность самого исследователя-философа в осознании того, что он или она делает, не может просто исчезнуть. Сам я, как многие в моем поколении, начинал «мыслить» в последние советские десятилетия вполне, так сказать, по-русски, а именно – где-то между Достоевским, Бердяевым и Солженицыным. Решающий сдвиг, как я теперь понимаю, произошел у меня, парадоксальным образом, тогда, когда Бердяев и так называемая русская религиозная философия почти мгновенно вытеснила (в конце 80-х – начале 90-х годов) с общественного и философского горизонта Ленина и марксизм. Это вовсе не было изменой прежним авторитетам, но, по-видимому, было выбором научно-гуманитарной традиции («низшего факультета», как Кант определял философию, включая в него гуманитарные науки) научно-гуманитарного мышления; этот поначалу полусознанный выбор отдалил меня методически (но не по существу) от того, что М. М. Бахтин называл «свободным русским мыслительством», «нашими мыслителями самодумами», а Г. Г. Шпет, полеми-

чески-несправедливо, заклеил «белибердьями». М. Бахтин и стал для меня, еще с середины 1980-х, основным автором и предметом исследований. Таким он остается для меня и сегодня, когда мода на Бахтина давно прошла, а собственно философская рецепция его мышления, выпавшего из своего времени, почти только начинается именно теперь, когда, как во все переломные времена, философия переосмысляет не столько свои результаты, сколько свои основания.

7. В этом смысле, действительно, биография философской мысли может начинаться после смерти философа; но конечно, не в качестве *автобиографии*, а в качестве истории *рецепции* данного мыслителя. И, по-моему, не «тексты начинают писать его (философа. – В. М.) биографию», а комментаторы и интерпретаторы текстов – то, что тот же Бахтин, как известно, называет *вторым сознанием* научно-гуманитарного мышления (в отличие от естественного). «Второе сознание» («познание познанного», как гласит некогда знаменитая формула ученика Ф. Шлейермахера Августа Бека) *служит* первому сознанию автора текста (а не поводом для самовыражения). Как выразился однажды Гуссерль: «Первый человек – это не я, а другой».

Поэтому, как мне кажется, не столько философская автобиография мыслителя, сколько выходящая за пределы текста, но опирающаяся на его тексты история его мышления в диалогах с предшественниками и современниками в принципе может быть реконструирована и понята «вторым сознанием» постсовременников, без утраты последними значимости самого исторического места актов понимания.